

О фонетической и орфоэпической подсистемах
русского литературного языка

Современной лингвистикой признано, что фонетическая система русского литературного языка состоит из ряда подсистем. Почему нельзя описать все фонетические явления как факты одной языковой системы? Специфичность любой системы определяется двумя факторами: 1) составом входящих в неё элементов; 2) её структурой, то есть тем, как упорядочены, организованы эти элементы. Для звуковой системы элементарными объектами, её составляющими, являются фонемы, а структура определяется совокупностью внутрисистемных связей фонем, то есть их способностью различаться в сильных позициях и особенностями нейтрализации в слабых.

Разные группы слов русского языка могут отличаться друг от друга: 1) составом фонем (например, отсутствием фонемы < ы > в русских общеупотребительных словах – её наличием в терминах или заимствованных топонимах, где [ы] может находиться в абсолютно сильной позиции – название буквы "ы", город Ысьон; отсутствием фонемы < ʏ > в подавляющем большинстве русских слов – её наличием в междометиях – а[ʏ]а, о[ʏ]о и т. п.); 2) особенностями позиционного поведения фонем (например, невозможностью появления в русских словах в безударном положении звуков [о], [э], [ä] – произношением этих звуков в безударных слогах заимствованных слов – о[о]а, [э]к^замен, ч[ä]рльстон и т. п.).

Вопрос о необходимости выделения различных подсистем языка, характеризующихся своими фонетическими закономерностями, неоднократно обсуждался в лингвистической литературе. Различные исследователи, признавая невозможность построения единого описания для всех слов русского языка, по-разному решают вопрос о критериях выделения частных подсистем.

М. В. Панов предложил выводить отдельные группы слов за пределы основной фонетической системы языка на следующих основаниях: "Зная частотность употребления слов, находим, что "фонетические странности" (с точки зрения общей системы) встречаются у слов, имеющих частотность ниже определённого порога. Тогда все слова, имеющие частотность ниже этого порога, надо рассматривать как единицы, реализующие особую фонети-

ческую систему – подсистему редких слов" (Панов 1967, С.197).

Для того, чтобы признать правомочным подобный подход к определению границ общей и частной звуковых подсистем языка, необходимо ответить на следующие вопросы:

1) Куда отнести редкие слова, не отличающиеся по своему фонетическому поведению от частоупотребляемых слов?

2) Что делать со словами частоупотребляемыми, но ведущими себя в фонетическом отношении, как редкие слова?

М.В.Панов отмечает, что "наличие фонетически "обычных" редких слов не мешает быть им выразителями фонетической подсистемы редких слов"; поскольку в этой подсистеме есть не только уникальные, добавочные фонемы, но и все фонемы, входящие в основную систему. Это рассуждение можно продолжить следующим образом: поскольку подсистема редких слов отличается от общей системы не только составом фонем, но и особенностями их позиционной реализации, необходимо признать, что в подсистеме редких слов сосуществуют и особенности позиционного варьирования звуков, характерные для "обычных" слов, и специфические особенности звукового оформления "редких" слов. А в этом случае, "описывая фонетически обычные слова в рамках подсистемы, мы должны будем заменить естественные для них и экономные правила позиционных изменений фонем соответствующими правилами подсистемы, т.е. правилами чередования фонем, указанными для каждого слова, а это нецелесообразно" (Гловинская 1971, С. 57).

Всегда ли "странности" фонетического поведения свойственны именно редким словам? Во многих случаях это так. Но можно ли отнести к малоупотребительным словам, скажем, слово радио, в котором в безударном положении произносится качественно нередуцированный гласный? Редко ли мы пользуемся словами кафе и бутерброд, в которых перед фонемой <э> произносится твёрдый согласный, чего не может быть ни в одном исконно русском по происхождению слове?

Представляется, что частота употребления является фактором, который может провоцировать и поддерживать неподчинение слова звуковым законам, обязательным для большинства слов русского языка, но этот критерий не позволяет достаточно четко разграничить группы слов, отличающихся по своему фонетическому поведению друг от друга.

М.Я.Гловинской была предпринята попытка разграничить зоны действия основной фонетической системы и подсистемы, исходя из чисто фонетического критерия [Гловинская 1967; 1971]. При этом за пределы основной системы выводится произношение тех слов, которые составляют исключение из её правил, независимо от их происхождения. Процедура, позволяющая определить, что является правилом поведения фонем, а что исключением из этого правила, выглядит следующим образом: "Составим список фонем, имеющих в определенной позиции разные реализации в различных словах. При каждой из фонемных реализаций укажем, в каком количестве слов она представлена и её частоту в речи. Для того, чтобы узнать, которая из двух реализаций одной фонемы относится к системе, а которая – к подсистеме, сравним между собой произведения этих чисел. Реализацию, которой соответствует наибольшее число, отнесем к системе, все остальные реализации этой фонемы (если их больше одной) – к подсистеме" [Гловинская 1971, 58].

Представляется, что можно выдвинуть другой критерий группировки фонетических фактов языка, в какой-то мере вытекающий из двух рассмотренных подходов к проблеме.

Выделение частной, вторичной подсистемы всегда осуществляется по принципу "отталкивания" от основной произносительной системы. Для того, чтобы выяснить, что такое фонетическая "странность", сначала необходимо определить, что такое фонетическая "обычность".

М.В.Панов предложил разграничивать два разных типа звуковых закономерностей: те фонетические явления, которые описываются фонетическими законами, и те, которые подчиняются орфоэпическим правилам [Панов 1979, 196].

Фонетические законы – это правила реализации фонем, не знающие исключений в данной системе языка. Фонетический закон формулируется в терминах позиционных чередований звуков, а "позиционное чередование бескомпромиссно", его принцип: "ни одного исключения" [Панов 1967, 207]. Подобного рода законы проявляются универсально, для них безразлично, в каких именно словах или морфемах функционирует та или иная фонема. Примеры фонетических законов: шумные согласные фонемы на конце слова перед паузой реализуются своими глухими вариантами (дру[к], горо[т]).

гласные фонемы <о> и <а> в позиции I-го предударного слога после твердого согласного нейтрализуются в звуке [a³] и т.п. Нарушение фонетических законов говорит о невладении нормами данной языковой системы, слова вода, друг и т.п. по нормам современного русского литературного языка произносятся одним единственным образом – [сва³да], [друк]).

Но существуют звуковые закономерности, отличающиеся от описанных выше. Это те факты, которые подпадают под действие орфоэпии – науки, "которая изучает варьирование произносительных норм литературного языка" (Панов 1979, 195). Примеры орфоэпических закономерностей: в литературном языке равно допустимы варианты произношения е́[с'л]и и е[с'л]и, в[и']сна и в[э']сна, п[а']ёт и п[о]лёт.

Создаётся впечатление, что орфоэпические нормы русского языка представляют собой хаотичный набор стихийно сложившихся и системно не связанных звуковых явлений. А.А.Реформатский писал: "Совершенно особые "условия" представляют собой те случаи, когда произношение, вопреки системе и норме, следует "закону форм" или "закону слов". Я сознательно беру эти слова в кавычки, здесь скорее не закон, а "беззаконие" (Реформатский 1987, 127). И действительно, орфоэпия не подчиняется фонетическим законам, нарушает их. Но это не означает, что она не живет по своим собственным законам, не менее строгим, чем фонетические, но отличающимся от них.

Формула синхронического фонетического закона такова: зная фонему и фонетическую позицию, в которой она находится, можно однозначно определить, каким звуком будет реализована эта фонема.

Орфоэпическая синхроническая закономерность формулируется по-другому: для того, чтобы узнать, каким звуком представлена та или иная фонема, недостаточно знать, в какой фонетической позиции она находится – необходимо также учитывать, в каких орфоэпических условиях она функционирует.

Например, фонема <с>, находясь в одной и той же фонетической позиции – перед звуком [j] на стыке приставки и корня – в орфоэпических условиях "старшей" нормы реализуется звуком [с'] ([с'j э|хатъ]), а в орфоэпических условиях "младшей" нормы – звуком [с] ([сj э|хатъ]).

В подобных случаях невозможно однозначно привести фонему к звуку: одна и та же фонема, находясь в одинаковых фонетических условиях, может реализоваться разными звуками.

Из сказанного выше следует, что фонетические и орфоэпические закономерности отличаются спецификой языкового материала, при этом одни факты произносительной системы полностью описываются фонетическими законами, другие же факты требуют принципиально иного – орфоэпического – описания. Это позволяет предположить, что звуковая система русского литературного языка состоит из двух подсистем – фонетической и орфоэпической.

В фонетическую подсистему объединяются все случаи, когда процедура приведения фонемы к звуку описывается фонетическими законами. В эту подсистему попадут морфемы вне зависимости от их происхождения, морфологической природы, лексико-семантических разрядов и т.п. Критерий один – подчинение непреложным фонетическим законам. Так, поведение гласной фонемы в I-ом предударном слоге после твердого согласного в корнях следующих слов – в[а¹] да, б[а²] ксер, в[а¹] лжанск, м[а¹] рфема, н[а¹] тация, п[а¹] росту – подчиняется одному и тому же закону: фонема <о> в указанной фонетической позиции реализуется звуком [а²] (то, что в этих словах фонема <о> доказывается словами в[о] ди, б[о] кс, в[о] лга, м[о] рф, н[о] та, п[о] воду). Следовательно, правила оформления звукового состава корневых морфем всех этих слов относятся к фонетической системе языка, несмотря на то, что среди них есть корни знаменательных слов и служебных, исконно русских и заимствованных, имен собственных и нарицательных, слов редких и частоупотребляемых.

Для того, чтобы определить, как организована орфоэпическая подсистема русского литературного языка, необходимо уточнить критерии отбора языкового материала этой подсистемы. Как уже было сказано выше, за пределами фонетической системы остаются правила звукового оформления морфем с орфоэпической вариантностью. Но вопрос о том, что считать орфоэпическими вариантами, не является однозначно установленным в лингвистике. Как представляется, к орфоэпическим вариантам следует относить:

1) Сосуществующие синхронно в языке звуковые или фонемные видоизменения морфем, происходящие в одной и той же фонетической позиции. Например, в приставках -[с¹] лить и [с] лить, в корнях ску[ш¹] ный и ску[ч¹] ный, в суффиксах -зано[ш¹] ный

и занош'ч'ивный, в окончаниях — стар[ы]й и стар[ъ]й, в постфиксах — смеял[с'я] и смеял[с'ь]. При этом можно говорить об орфоэпической вариантности фонем (случаи, когда возможность различного произнесения одной и той же морфемы связана с изменением её фонемного состава: було[ш]ная — було<ш>ная, но було[ч']ная — було<ч>ная) и орфоэпической вариантностью звуков (случаи, когда морфемы, различаясь звуками, имеют одинаковый фонемный состав: в[и']сна — в[э']сна — в<о>сна).

2) Случаи, когда в синхронном срезе языка нет вариантов произношения конкретных морфем, но тем не менее, произношение слов с подобными морфемами описывается не универсальными фонетическими законами, а орфоэпическими правилами, "привязанными" к определенным морфемам или словам. Например, по современным нормам, в слове текст в позиции перед фонемой <э> произносится только мягкий согласный — [т'э]ст, а в слове тест в той же позиции твердый звук — [тэ]ст. Произношение согласного перед <э> в этих случаях определяется фонемным составом этих слов: в первом слове текст первая фонема мягкая, а в слове тест — твердая. Но традиционно сложилось впечатление (и эта традиция основывается на интуиции носителей языка), что твердость-мягкость согласного перед <э> в корневых морфемах заимствованных слов описывается не фонетическими законами, а орфоэпическими правилами, т.е. по сути правилами произношения каждой конкретной морфемы.

Что общего между двумя описанными типами орфоэпической вариантности? Можно ли вообще говорить о вариантности по отношению ко второму случаю, когда отсутствуют возможности двойного произнесения одних и тех же морфем? Есть фактор, позволяющий объединить различные проявления орфоэпической вариантности: все морфемы с подобной вариантностью передаются на письме одинаково, несмотря на то, что они допускают различия в звуковом и фонемном составе. Приведем примеры, иллюстрирующие проявление этого свойства для двух разных типов орфоэпической вариантности.

1) Сочетанию букв жд может соответствовать в произношении и [ж'] и [сжд'] (до[ж']й и до[сжд']й); за написанием чн может скрываться и [шн], и [ч'н] (поядо[шн]ый и поядо[ч'н]ый), пишется ся — произносится может и [с'я], и [с'ь] (бо[ял]с[с'я] и бо[ял]с[с'ь]) и т.п.

2) Сочетанию букв те может соответствовать фонемное сочетание <т'э> и <тэ> (текст - <т'э>кст, но тест - <тэ>ст); букве а в одной и той же фонетической позиции I-го предударного слога после твердый шипящих и ц может соответствовать и звук [ы³], и звук [а⁶] (жалеть - жи³леть, но жар-жа²ра); на месте сочетания букв мм может произноситься и краткий звук [м] и долгий [m̄] (гра¹мматика, но су¹мм¹а) и т.п.

Из сказанного выше вытекает, что фонетические и орфоэпические звуковые закономерности по-разному отражаются на письме. В одних случаях - при действии фонетических закономерностей - письмо отражает фонемный состав морфем, т.е. значимые единицы языка пишутся в основном по фонематическому принципу. В других случаях - при действии орфоэпических закономерностей - письмо игнорирует различия в фонемном составе морфем, которые передаются при этом единообразно.

Следовательно, к орфоэпической подсистеме языка относятся все случаи, когда одному и тому же написанию может соответствовать разное произношение при условии тождества фонетических позиций.

Если сгруппировать звуковые факты языка в соответствии с предложенным критерием в две подсистемы - фонетическую и орфоэпическую - то встает вопрос о внутреннем устройстве каждой из них.

Фонетическая подсистема однородна, поскольку весь относящийся к ней языковой материал подчиняется одним и тем же фонетическим законам. Орфоэпическая подсистема организована по-другому. Элементы этой подсистемы противопоставлены как некоторые целостности не только фонетической подсистеме, но и другим частным орфоэпическим подсистемам.

Какие частные орфоэпические подсистемы можно выделить в

I - Следует иметь в виду, что случаи типа ноль-нуль, строгать - стругать, шкап - шкаф и подобные не имеют отношения к орфоэпии, такого рода варианты обычно называют фонематическими и рассматривают отдельно от орфоэпических [Панов 1967, 320-321; Горбачевич 1978, 123].

современном русском литературном языке? Так, можно говорить о синхронно сосуществующих орфоэпических хронологических подсистемах, т.е. о системах "старшей" и "младшей" нормы, которые подробно описаны в лингвистической литературе. Думается, что можно говорить о появлении еще одной хронологической подсистемы. Речь молодого поколения последней четверти XX века имеет определенные отличия от речи середины века, в таком случае на смену "младшей" норме приходит еще более "младшая" [Каленчук 1986].

Синхронно сосуществуют и различные территориальные орфоэпические подсистемы литературного языка. Причем, помимо двух традиционно выделявшихся локальных разновидностей орфоэпических норм – московской и петербургско-ленинградской, в последнее время некоторые лингвисты высказывают предположения о существовании еще двух орфоэпических территориальных подсистем литературного языка – севернорусской и южнорусской (Сергеева 1984).

Появившиеся не так давно исследования о различиях между мужской и женской речью [Земская, Китайгородская, Розанова 1987] позволяют сделать предположения о существовании орфоэпических подсистем мужской и женской речи. Причем, в подобные подсистемы попадет только то, что различает в звуковом отношении речь мужчин и женщин, в тех же случаях, когда состав фонем и правила их позиционного варьирования в речи мужчин и женщин совпадают (а таких случаев подавляющее большинство), то они описываются фонетическими законами.

Известно, что наша звучащая речь стилистически неоднородна. Одно и то же содержание можно выразить по-разному, варьируя произносительные ресурсы языка в зависимости от ситуации и целей речи. В связи с этим можно говорить о существовании орфоэпических стилистических подсистем¹. По отношению к звучащей речи обычно пользуются общезыковой стилистической градацией-

I – В данной работе речь идет об организации звуковой системы кодифицированного литературного языка, за пределами внимания остается особая языковая система – разговорная речь – как область некодифицируемая (Русская разговорная речь).

высокий, нейтральный и сниженный стиль. Нейтральный стиль произношения служит только целям коммуникации, не содержит каких-либо оценок речевой ситуации, не несет экспрессивно-эмоциональной нагрузки. Область проявления нейтрального стиля – фонетическая подсистема языка. Когда мы формулируем фонетические законы, мы описываем стилистически нейтральную, неокрашенную речь. Нейтральному стилю противопоставлены два маркированных произносительных стиля – высокий (придающий нашей речи торжественно-приподнятый характер) и сниженный разговорный (особенности речи непринужденно-бытовой, непритязательной). Особенности произношения, свойственные каждому из стилей, достаточно подробно описаны в литературе (Шанов 1963; Фонетика 1968 и др.). Орфоэпически значимыми любые стилистические особенности произношения становятся только в том случае, если они соотношены с вариантами, свойственными другому стилю, то есть о стилистической нагрузке орфоэпического варианта можно говорить только тогда, когда говорящий может выбирать, как именно произнести то или иное слово – р[сá]’яль или р[сá]’яль, м[с’и]’рцать или м[с’э]’рцать. В тех случаях, когда морфема не может быть произнесена вариативно, её звуковой состав не описывается законами стилистической подсистемы. Например, слово боа произносится обязательно с безударным звуком [о], что является приметой принадлежности этого слова к орфоэпической подсистеме заимствованных слов. Но поскольку это слово нельзя произнести иначе, стилистической нагрузки эта звуковая "странность" не несет.

Рассмотренные орфоэпические подсистемы русского литературного языка являются социолингвистическими, поскольку их выделение связано либо с социальными характеристиками носителей языка (возраст, место жительства, пол и др.), либо с экстралингвистической оценкой ситуации речи.

Но можно говорить и о существовании чисто языковых орфоэпических подсистем – подсистемы заимствованных слов, междометий, служебных слов, терминов, имен собственных, аббревиатур и др. Очевидно, что чем детальнее мы будем анализировать звуковые особенности, присущие разным группам слов, тем больше подсистем сможем выделить. Но необходимо еще раз подчеркнуть, что в эти орфоэпические подсистемы войдут только те языковые факты, которые

не подчиняются законам фонетической подсистемы, то есть допускают орфоэпическую вариантность любого типа. Большая же часть заимствованных слов, терминов, служебных слов и т.п. будет описываться фонетическими законами, ничем не отличаясь по своему звуковому поведению от основной массы слов русского языка.

Сама процедура выделения различных орфоэпических подсистем языка предполагает, что каждая из них противопоставлена не только фонетической подсистеме языка, но и другим орфоэпическим подсистемам. Известно, что орфоэпические варианты, формирующие конкретную произносительную норму, практически никогда не отличаются друг от друга только формально, внешне. Язык нагружает их дополнительными функциональными значениями, устраняя тем самым неэкономичную для системы дублетность.

Орфоэпическая подсистема языка организована так, что варианты произношения всегда парадигматически соотнесены — один вариант нормы используется в одной языковой подсистеме, другой — в другой. Например, слово езду произносится со звуком [ж'] в орфоэпической подсистеме "старшей" нормы, а со звуком [ж] — в подсистеме "младшей" нормы; икающий вариант произношения характерен для московской произносительной подсистемы, экающий — для традиционной разновидности ленинградского произношения и т.п. Это позволяет ввести понятие орфоэпической парадигмы, то есть совокупности произносительных вариантов, распределенных по различным подсистемам и чередующихся друг с другом в зависимости от орфоэпических условий. Парадигматически соотнесенные элементы всегда воспринимаются как некое языковое единство, формальная разница между ними игнорируется носителями языка. То, что орфоэпические варианты, отличающиеся друг от друга звуковым или фонемным составом, передаются на письме одинаково, является подтверждением того, что они воспринимаются как некое функциональное тождество.

Частные орфоэпические подсистемы могут быть противопоставлены друг другу и фонетической подсистеме не только бинарно, между ними могут быть более сложные отношения частичного переkreщивания и частичного контраста. Так, например, варианты произношения возвратного постфикса могут быть соотнесены и в плоскости "старшей" и "младшей" орфоэпических подсистем, и в плоскости высокого и нейтрального произносительного стиля,

икающие и экающие варианты разграничивают не только московскую и ленинградскую произносительные подсистемы, но и стилевые орфоэпические подсистемы и т.п.

Итак, можно представить звуковой ярус русского литературного языка как сложную систему, состоящую из двух подсистем: фонетической и орфоэпической, последняя из которых в свою очередь состоит из ряда частных подсистем. Подобное устройство звуковой системы языка является естественным проявлением двух противоположных тенденций, присущих любому развитому литературному языку: с одной стороны, стремление к стабильности, неизменности сложившихся норм, обеспечивающее наилучшие условия общения носителей языка, а с другой стороны, постоянное развитие под влиянием внутренних и внешних причин.

ЛИТЕРАТУРА.

Гловинская 1967 – Гловинская М.Я. Фонологическая подсистема малочастотных слов в современном русском литературном языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967.

Гловинская 1971 – Гловинская М.Я. Об одной фонологической подсистеме в современном русском литературном языке // Развитие фонетики современного русского языка. – М., 1971.

Горбачевич 1978 – Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. – Л., 1978.

Земская, Китайгородская, Розанова 1987 – Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи в современном русском языке // Proceedings of Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. – vol. 1, Tallinn, 1987.

Каленчук 1986 – Каленчук М.Л. Особенности реализации согласных фонем на стыке морфем в современном русском литературном языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986.

Панов 1963 – Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Развитие современного русского языка. – М., 1963.

Панов 1967 – Панов М.В. Русская фонетика. – М., 1967.

Панов 1979 – Панов М.В. Современный русский язык: Фонетика. – М., 1979.

Панов 1989 – Панов М.В. Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой.-М.,1989.

Реформатский 1987 – Реформатский А.А. О типах позиций // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика.- М.,1987.

Русская разговорная речь – Русская разговорная речь /Под ред. Е.А.Земской.- М.,1973.

Сергеева 1984 – Сергеева Т.А. Аллофонное и фонемное варьирование согласных в некоторых региональных вариантах русского литературного языка // Лингвистика и модели речевого поведения.-Л.,1984.

Фонетика 1968 – Фонетика современного русского литературного языка:Русский язык и советское общество.Социолого-лингвистическое исследование / Под ред.М.В.Панова.-М.,1968.